

Новый полет «Чайки»

В 90-е годы прошлого века на арзамасской сцене впервые состоялось представление «Чайки» А. Чехова, которое привлекало внимание не только местной и областной прессы, но и московских критиков. И вот спустя четверть века новая постановка «Чайки» молодого режиссера-постановщика А. Иванова. Нельзя не согласиться с театральным критиком Г. Пучковой, что «ставить на сцене чеховские пьесы – мучительное и порой безуспешное занятие, хотя оно и дает, по общему признанию, ценный творческий опыт любому театральному коллективу». Но при этом следует уточнить: если только ставить по Чехову.

В Арзамасском театре не стали «осовременивать» Чехова или искать «новых форм». Нам представили спектакль, в котором содержание побеждает форму, когда оформление сцены не тяготит, не напрягает, напротив, декорации как в первом действии, так и во втором несут определенную смысловую нагрузку – понятную и доходчивую. Да, здесь, как и в прежней постановке, присутствуют черно-белые тона, но они не напрягают, так как «разбавлены» зеленым цветом (причем даже в одеждах) – цветом весны и обновления. Хотя меня поначалу несколько озадачила «пестрота» в одежде, но и она ничуть не мешала общему настрою спектакля, так как выполнена в едином ключе со сценографией, в чем бесспорная заслуга художника-постановщика Е. Егоровой и художника-технолога Е. Ивановой.

«Чайку» ставить, несомненно, сложно, потому что сама пьеса – это полифоническое, многоголосое произведение, в котором звучат разные мотивы, перекрещиваются разные темы. Очевидно, поэтому невозможно выделить главного героя, все герои сосуществуют равноправно: каждый персонаж интересен по-своему – судьбой, характером. Чехов никого не осуждает в своей пьесе, он просто дал каждому высказаться. В спектакле говорят даже те, у кого почти нет слов: Полина Андреевна (Е. Стребкова), Яков (В. Пичугин), горничная (Ю. Польшаева), повар (И. Пухов) – говорят тишиной, своим незаметным появлением на сцене.

Если говорить в целом о спектакле, то он состоялся; он захватывает, погружает зрителя в атмосферу чеховского притяжения, обволакивает единой эмоциональной средой и дает сильный заряд душе. Никакого пафоса, без воплей и заламывания рук, не педалируя голозом – все даже как будто буднично, актерам хорошо удалось передать боль от безответной любви, одиночество, как все маются от своего несчастья и мучают этим других.

Мне понравилась в роли Нины Заречной А. Зудкова. Молодая, свежая, нежная девушка, искренняя и с чистой душой. Пламя восторженности, романтического настроения окрыляет ее, она мечтает служить в театре, ей хочется славы, известности, поклонения публики... Она жаждет и любви – большой, искренней, щемящей, страстной

– и полагает, что ее ей может дать Тригорин, перед которым она распаивает свот сердце и душу. Совершенно иной Нина предстает в финале: усталая, испытавшая первые разочарования; надежды рухнули в одночасье: порыв страсти к ней ее возлюбленного быстро угас и обернулся бессердечием и жестокостью. Ее монолог: «Люди, львы, орлы и куропатки, рога-тые олени...» звучит уже совсем по-иному: в нем вся ее боль – от потери ребенка, от непонимания родных, от измены любимого, и когда актриса говорит: «Холодно, пусто, страшно», мурашки бегут по телу... И мы знаем, что она и есть чайка, подстреленная на самом взлете жизни.

В очередной раз порадовал своей работой А. Кистерев, исполнитель роли Треплева. Его герой – начинающий писатель, дерзкий и нетерпимый ко всему старому, одержимый поиском «новых форм», влюбленный в Заречную. Он продолжал ее любить – и когда она ушла к Тригорину, и когда родила от него ребенка, и когда была брошена им и бедствовала. А когда Нина снова появилась в родных местах, Треплев встретил ее радостно, полагая, что к нему возвращается счастье. Актер играет тонко, мягко, без истерии (вспоминается Войницкий из спектакля «Дядя Ваня», оказавшийся в подобной ситуации, – нервный, дерганый, ожесточенный). В сцене последнего свидания Треплева и Заречной актерам удалось выразительно акцентировать главный смысл пьесы: их мировоззренческую несовместимость, противостояние веры и неверия. Герои не пытаются убедить друг друга в своей и только своей правоте, здесь каждый подводит нравственный итог своего жизненного, выстраданного опыта: За-

речная, сумевшая утвердить себя в жизни, считает: «Надо нести свой крест», Треплев же, так и не нашедший опоры в жизни, не вынесший испытаний, говорит: «Я не верую» и заканчивает самоубийством.

Очень хорош в роли Тригорина М. Польшаев. Обычно исполнителям этой роли под пятьдесят лет, исходя из того, что это писатель с именем, которого охотно публикуют. Но актер много не дотягивает до этого возраста, и ничего удивительного: столько же было Чехову,

как страдал Тригорин?

В роли властной, холодной и одновременно притягательной Аркадиной предстала Е. Лупачева; ее роль получилась яркой, сочной и многогранной. Аркадина переживает роман с писателем Тригориним, который тянется уже много лет, но в их отношениях не чувствуется высокой любви, она не может вдохновить его, не способна помочь ему перебороть недовольство самим собой. Она слишком много внимания уделяет своим успехам, шумихе, внешней, поверхностной стороне. Актриса очень тонко чувствует свою героиню, для которой сцена лишь инструмент, с помощью которого она обеспечивает себе безбедное существование и тешит свое тщеславие, а любовь – игра, которая дает ей возможность нравиться, ощутить себя женщиной. Но самое страшное, Аркадина не понимает сына, не испытывает потребности в личном контакте с ним; пьесу его она не только не пытается понять, но и воспринимает как личное оскорбление, и это свидетельствует о ее непомерном самолюбии и о художественской ограниченности, она – ремесленник. Именно она стала «могильщицей» пьесы сына, заявив, это «декадентский бред».

Но неожиданно за пьесу вступает, казалось бы, далекий от искусства врач Дорн (Ю. Рослов): «Не знаю, быть может, я ничего не понимаю или сошел с ума, но пьеса мне понравилась. В ней что-то есть». И вот это «что-то» – скрытая поэтичность, неясная мечта, пускай наивная, призрачная, о какой-то другой жизни. Нельзя было не заметить, что актер чем-то напоминает самого Чехова по известным фотографиям: он благороден, спокоен, рассудителен и одухотворенный, он весь полон внутренним светом; и опять мы слышим чеховскую интонацию.

Интересно представлен в спектакле Сорин (С. Столяков). Что мы знаем о нем? Почти тридцать лет просидел в присутственных местах, выслужил чин действительного статского советника, что давало право к нему обращаться: «Ваше превосходительство»; в свои шестьдесят, по его признанию, был некоторое время влюблен

в восемнадцатилетнюю Нину Заречную. Вот и все биографические сведения. Однако из этого малого режиссер и актер «слепили» запоминающийся образ: у старика тяжелая одышка, он говорит отрывисто с присвистом, еле-еле передвигает свое грузное тело, опираясь на палку, волочит ноги – это признаки того, что страдает астмой, которую заработал, сидя в затхлых, плохо проветриваемых помещениях, и сахарным диабетом из-за ожирения.

Сорин, в отличие от сестры, Аркадиной, пытается принять хоть какое-то участие в судьбе Треплева. Но что он может? Поместье в плачевном состоянии, скотина дохнет, управляющий, отставной поручик, естественно, подворовывает, но перед хозяевами держит хвост пистолетом. Шамраев в исполнении М. Денисова – солдафон, он прям, как верстовой столб, да и появляется на сцене, когда в действии происходит очередной поворот, и всегда шумно, разрывая тишину своим громкоподобным голосом, привыкшим отдавать команды. Его плоские шутки не вызывают ни у кого даже улыбки, гогочет только он один.

У Чехова в пьесе каждый несчастен по-своему. Но более других, по-моему, несчастна Маша, дочь управляющего. Ох, какой ее сделала А. Пухова! Сильная, прекрасная, она притягивает к себе внимание внутренней энергетикой, своей тишиной; она выше бесплодных споров о театре, литературе, она вся погружена в себя, она страдает от безотрадной и безответной любви к Треплеву и мучается от того, что он не обращает на нее никакого внимания. Нина Заречная хоть какое-то время, пусть короткое, была любима, Маша же покоряется судьбе – выходит замуж за учителя Медведенко – размазню и неудачника, человека ограниченного, не способного к возвышенному, для которого лучше синица в руке, чем журавль в небе. Это брак ни по любви, ни по расчету, это брак от безысходности, от безнадёги. К сожалению, в роли Медведенко Д. Пивоваров, артист с неплохим творческим потенциалом, о чем можно судить по прежним работам, мне показался не убедительным, образ сделан невнятно, не спасает даже указка, с которой он, кажется, не расстается никогда, – в нем нет интеллигентности.

Порой говорят, что Чехов сложен, что «Чайка» трудна для восприятия. Вот и «разбавляют» модерном. Но скажите на милость, отчего в зале стояла благоговейная тишина, отчего зрители неотрывно и напряженно смотрели на сцену, сопереживая всему тому, что происходило на их глазах? А ведь это были учащиеся 9–10 классов одной из школ. Значит, спектакль их захватил, значит, их волнует то, что волновало драматурга. Так что низкий поклон актерам и всем, кто создал этот замечательный спектакль, от которого остается очень светлое впечатление.

Вячеслав ПАНКРАТОВ.